

Лев Альтмарк

Я — СТУКАЧ

Лев Альтмарк

Я – стукач

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Альтмарк Л.

Я – стукач / Л. Альтмарк — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Действие повести «Я – стукач» охватывает короткий промежуток времени начала распада Советского Союза, когда в сознании людей неизбежно происходит переоценка ценностей. Бывший осведомитель КГБ, всегда тяготившийся этой своей работой, вдруг понимает, что пришло время меняться, как это для него ни страшно и необычно...

© Альтмарк Л.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Лев Альтмарк Я – стукач

Сегодня с утра у меня куча дел.

Нужно разыскать Алика и напомнить ему, что срок истёк и пора отдавать две с половиной сотни. Я не благотворительная контора и таких шикарных подарков никому не делаю. Хочет слушать пластинки, которые я заказываю для него знакомым морячкам в загранку, пускай раскошелится. Мне эти пластинки тоже достаются не задаром. Не нравится – топай к уличным фарцовщикам, те с него три шкуры сдерут, и – никаких отсрочек по платежам. Хотя кто я для него – тот же фарцовщик, только знакомый, а потому допускающий рассрочку.

Потом не забыть бы позвонить Надюхе и что-нибудь наврать про свою страшную занятость на следующей неделе. Из Венгрии приезжает Светка, и нужно хотя бы несколько дней после двухнедельной разлуки посвятить любимой женщине. Светка в моих планах идёт первым номером. Надюха – запасной аэродром. Точнее, один из нескольких. Так сказать, подруга в дни печали.

И, наконец, не мешало бы дозвониться до столичного издательства и поинтересоваться, как движется дело со сборником моих стишат. Уже три месяца, как я их отправил, а результата пока никакого. Вдруг, если сам позвоню, что-нибудь стронется с места? Пускай только намекнут, что от меня нужно, за мной не станет. Я парень понятливый. Мне бы только точку опоры нащупать. А её-то как раз и нет. Хотя, если говорить по совести, судьбой своих опусов я всерьёз не занимался. Текучка заела. Какие-то мелкие шкурные интересы, мизерные навары на пластинках и японской радиоаппаратуре. Убогие желания и интересы – Господи, как это всё мелко! Да я и сам потихоньку мельчаю. А хочется жить крупно, с размахом. Как мечтается. Как те герои, на которых я стараюсь быть похожим в своих стихах.

В конструкторском бюро, где я тружусь в поте лица, тишь и благодать. Все расплзлись по своим кульманам, где-то по ватману поскрипывают карандашики, шеф клюёт носом за своим начальственным столом. Наверное, опять полночи слушал по приёмнику вражьи голоса.

Кстати, японский приёмничек по божеской цене подогнал ему я, и шеф меня за это прямо-таки боготворит. Что ж, я не против. Для того и старался. Между нами, подлецами, говоря, иногда пригнуться перед начальством несколько не зазорно, особенно когда это сулит ряд выгод. Тем более, без ущерба для самолюбия.

Ты мне, я тебе – принцип, недостойный строителя светлого будущего. Но при нашей-то непростой жизни куда без этого денешься? Кто поумней да похитрей, уже строят для себя светлое настоящее. Об этом трубят меньше, да и незачем такое афишировать. Больно много завистников на каждого удачливого, а кому, скажите, не хочется пожить в собственное удовольствие ещё при жизни? Только доступно это не каждому. Тут уже надо покрутиться. И не вхолостую, а чтобы толк был. Вот так-то.

А я – получается ли у меня? Трудно сказать...

Часов в девять телефонный звонок. Кто это может быть? Для пластиночных клиентов рановато – или ещё спят, или вкалывают на какой-нибудь ночной разгрузке вагонов, зарабатывая скудные честные грошики для приобретения очередного диска. Цены в последнее время, скажу вам, ой как кусаются!

Это Виктор. Ну, тогда другое дело. Этот имеет право беспокоить меня в любое время и доставать хоть из-под земли.

При нём надо держать ухо востро. С конторой, которую он представляет, в прятки не поиграешь. Все её традиционно побаиваются, да это и в самом деле опасно, как ни крути. На крючке у них я сижу уже давно, совсем как Фауст у Мефистофеля, только история наших вза-

имоотношений проще и банальней. Так сказать, на наш российский лад. Я запродам им душу, правда, не по собственному желанию, взамен на некоторые вольности, за которые кое-кого из моих знакомых застрашали так, что они долго будут икать, вспоминая душеспасительные беседы в этой конторе. А некоторых даже подвели под монастырь, то есть под конфискацию. Губит нашего брата, доморощенного меломана, увлечение пластинками и музыкой так называемого «загнивающего запада». В этом невинном увлечении можно при желании отыскать что угодно – от мелкой спекуляции до измены Родине. Достаточно почитать увлекательную книжечку под названием Уголовный кодекс.

На работу Виктор мне звонит только в крайних случаях, когда есть что-то срочное. Обо всех наших плановых встречах мы договариваемся заранее. Телефоном, как настоящие шпионы, пользуемся редко. Да в этом и нет особой нужды.

Но что ему нужно сегодня? К чему такая спешка? Это уже интересно.

– Рядом с тобой никого нет? – осторожно спрашивает Виктор.

– Никого, – отвечаю я и на всякий случай оглядываюсь.

– Слушай внимательно и не перебивай: умер Генеральный секретарь, и сегодня в два часа об этом сообщат по радио.

– Что ты говоришь?! – притворно ахаю я и стараюсь, чтобы мой голос звучал взволнованно, хотя, если говорить честно, сообщение Виктора меня несколько не потрясло.

Так или иначе, сие должно было случиться. Никто на свете, даже наши небожители, не застрахованы от смерти, и косточки бедного больного Леонида Ильича давно перемывались повсюду. Организация Виктора внимательно следит за этими перемываниями и особо рьяных мойщиков берёт на заметку. Материалы потихоньку накапливаются, и хорошо если дело заканчивается только повесткой во всем известное учреждение для нравоучительной беседы...

– Не перебивай, – повторяет Виктор. – Наше руководство просит тебя проконтролировать, как люди воспримут правительственное сообщение. Ты меня понимаешь?

– Как не понять! – догадываюсь я о его просьбе. – Будь спок!

– Это крайне серьезно! – Чувствую, Виктора коробит от моего легкомысленного тона. – Смотри, раньше времени никому не проговоришь. Интересно понаблюдать, как люди отреагируют в первый момент после официального сообщения. А вечером мы пообщаемся. Часиков в девять-десять, ладно?

– Домой позвонить или на работу?

Виктор задумывается:

– Даже не знаю. Лучше всего сам тебе позвоню. Неизвестно, где буду находиться. У нас сейчас совещание за совещанием. Сам понимаешь, случай неординарный...

Я кладу трубку и возвращаюсь за свой кульман. Но обладать такой потрясающей информацией и молчать у меня не получается. Я немедленно наклоняюсь к своей соседке, молодой особе предпенсионного возраста, рассматривающей рижский журнал мод, и загадочно шепчу:

– Между прочим, Евгения Михайловна, в четырнадцать ноль-ноль рекомендую включить репродуктор на полную катушку. Передадут кое-что необычное.

Не отрываясь от журнала, Евгения Михайловна усмехается:

– В космос, что ли, запустили представителя очередной братской банановой республики или цены продукты понизили? А может, рецепты на колбасу ввели и будут продавать её только в аптеках?

Евгения Михайловна считает себя непревзойдённой юмористкой и всегда радуется своим шуткам больше, чем окружающие.

– Мелко берёте, – смеюсь я.

Евгения Михайловна чешет в задумчивости кончик носа, и её лицо озаряется:

– Неужели... вождь?!

– Как знать! – Я выразительно закатываю глаза, молитвенно складываю руки и тут же испаряюсь в курилку делиться новостью с прочей публикой. Рубикон перейдён, и теперь новость так или иначе пойдёт гулять по бюро.

Но в курилке народу не густо, только два неразлучных собрата по алкоголю – Петя Карпов по прозвищу Дон Педро и Костя Ковалёв по прозвищу Дон Карлос. Откуда взялись эти прозвища, никто не помнит, но они очень точно отражают суть наших «испанцев». Их испитые добродушные физиономии хранят следы вчерашнего празднества, а потухшие изжёванные сигареты в дрожащих пальцах безмолвно вопиют, что сегодняшнее утро стало для их обладателей всего лишь очередным звеном в цепи нечеловеческих похмельных мучений. И закончатся они лишь с принятием первого вечернего стакана дешёвого портвейна. Как ни странно, но Дон Педро и Дон Карлос прекрасно освоились в своём непривлекательном имидже, весьма неплохо справляются с проектированием за своими кульманами и ещё ни разу не залетали по пьяной лавочке. Продвижение по службе их не волнует, так что прищучить их нечем. Затыкать бреши на овощных базах и осенних сельхозработках они вызываются первыми – за это их в бюро ценят и любят.

– Слышали, господа испанцы, что на белом свете дёется? – присаживаюсь рядом с ними и неторопливо закуриваю.

Мутные взгляды неопохмелившихся алкашей безразлично скользят по мне. Наконец Дон Педро через силу выдавливая:

– Новый анекдот принёс? Давай трави.

– Ха! Совсем не анекдот.

– Слушай-ка, Челентано, не пой нам песен о Грузии далёкой, а лучше ссуди трючок до полочки, – оживляется Дон Карлос и придвигается ко мне поближе, – ты же нас знаешь. Может, и раньше вернём, если халтура подвернётся. Скоро уже студенты-заочники должны со своими курсовыми косяками пойти или ещё что-нибудь...

– О чём разговор! – миролюбиво откликаюсь я и лезу в карман за кошельком. – Сегодня у вас, ребята, будет всем поводам повод. Тут уж действительно не грешно причаститься.

– Какой такой повод?

– Поминки, к примеру.

– А кто дуба врезал?

– Генеральный секретарь.

– Ну, эти поминки не про нас! Там и своих поминальщиков пруд пруди. Ты нам кого-нибудь попроще подгони.

– Склад у меня покойников, что ли? – смеюсь я, но мне почему-то уже не весело. Этим «испанцам» на всё наплевать, кроме своей выпивки. Такое неординарное событие для них пустой звук.

Пойду лучше к шефу. Уж он-то новость оценит достойно. Тем более он недавно по великому секрету сообщил, что из достоверных источников – а что может быть достоверней «Немецкой волны»! – почерпнул сведения о тяжёлой болезни генсека и его недалёкой кончине. Что и говорить – секрет Полишинеля...

Неслышными кошачьими шагами я приближаюсь к столу шефа и тихонько присаживаюсь на стул напротив. Постоянное недосыпание приучило моего начальника мастерски дремать во время работы, не выпускать карандаша из пальцев и тут же вздрагивать от малейшего шороха при чьём-то приближении, словно он вынужден скрепя сердце отрываться от глубоких раздумий над глобальными проблемами нашего очередного инженерного проекта.

И действительно, шеф устало поднимает голову, щурится от света и вперивает в меня настороженный взор:

– Что там у тебя? Только излагай короче, не тяни время. Спину разогнуть некогда, столько дел скопилось...

Хоть вид у него сейчас и грозный, на самом деле мой шеф человек милейший. Изю всех начальников, которые когда-либо командовали мной, он нравится мне больше всех. Ругать и наказывать он просто не умеет и при этом всегда заявляет, что его губит проклятая интеллигентская жалость к человеку. Но самое необычное, что он и в самом деле мало подходит под стандарт начальников, который с годами выработал наш доблестный бюрократический аппарат. Шеф не кичится своим пролетарским происхождением, потому что таковым не обладает, читает не только газету «Правда», но и самую разнообразную художественную литературу и модные толстые журналы, любит кино и фотографию, прекрасно разбирается в джазе. Что ещё? Да разве перечисленного мало?! Одного этого уже достаточно, чтобы заслужить искреннее уважение хотя бы одного человека в отделе – меня. Вероятно, он чувствует это и платит взаимностью. И ни при чём здесь японские транзисторы и джазовые пластинки, которыми я периодически его снабжаю. Это как бы довесок к нашей дружбе.

– Представляете, – сразу беру я быка за рога, – эти несчастные фальсификаторы из вражеских радиоголосов иногда попадают в десятку. Сегодня в два часа дня ещё только собираются передать по нашему телевидению и радио важное правительственное сообщение, а они уже наверняка трезвонят всюду. Вам ничего не известно?

Шеф испуганно оглядывается и подносит палец к губам:

– Тс-с! Ты что, с ума сошёл?! Повсюду уши!

У шефа есть все основания опасаться подслушивающих. В далёкие студенческие годы он как-то блеснул остроумием, расшифровав в тёплой компании «СССР» как «Союз Советских Сюрреалистических Республик». Кто-то, естественно, доложил куда следует, и, несмотря на хрущёвскую оттепель шестидесятых, нервишки ему потрепали основательно, правда, окончить институт всё же позволили. А если бы такое он ляпнул сегодня? И представить не могу. Но уж начальником отдела он не был бы точно...

Я невозмутимо гляжу на часы и громогласно сообщаю, чтобы слышали окружающие:

– В трауре по вождю ничего постыдного нет, и нечего об этом перешёптываться, будто мы что-то замысливаем. Наоборот нужно рыдать во всё горло. Через три часа и самый глухой услышит.

– Откуда ты знаешь? – Шеф подозрительно косится на меня, но его глаза уже приобретают живой блеск.

– Сорока на хвосте принесла. А радио всё же послушайте...

И тут я невольно обратил внимание на настроение публики в нашем отделе. С самого раннего утра вместо традиционных последних известий и репортажей с полей по радио безо всяких комментариев гоняли симфоническую музыку, и это невольно навевало какое-то тоскливое ожидание и тревогу. Народ начал шушукаться по углам – все понимали, что происходит что-то из ряда вон выходящее.

Едва закончился обеденный перерыв, все стянулись к репродуктору в чертёжном зале и за кульманами никого не осталось. Один лишь я неподвижно восседал на своём рабочем месте и старался через силу изобразить на лице полное безразличие, хотя втайне уже начал беспокоиться: вдруг Виктор ошибся или я неправильно его понял, и теперь в результате своего опрометчивого поступка попаду в пренеприятнейшую историю?

Хотя трудно заподозрить, что ребята из его конторы могли пошутить таким образом. Все мы ходим под Богом, да и вообще шутки в их работе – занятие весьма опасное. Косточки в застенках у всех ломаются одинаково... На миг во мне рождается ледящее душу предположение: вдруг они решили проверить меня на паршивость таким садистским способом? И ведь выстрел точно в десятку... Хотя нет, едва ли. Для чего им копать под меня? Повода я не давал, а всё, о чём они меня просили, выполнял пусть со скрипом, но аккуратно. Детективные истории такого пошиба в реальной жизни не случаются – в этом я абсолютно уверен. Это удел киношников да писателей типа Семёнова и прочих сименонов.

Тем более, коллеги Виктора мне, кажется, доверяют, и я не на плохом счету. Правда, лучше не зарекаться. Любые неожиданности могут произойти.

Лучше подождать. Ох, как долго тянется время!

Два часа дня. Всё в порядке. Я на коне. Вообще-то, радоваться чужой кончине отвратительно и не по-людски, но я непроизвольно улыбаюсь и не могу сдержаться.

В спешном порядке в актовом зале организован траурный митинг. Откуда-то принесён и приставлен к трибуне большой портрет Брежнева, и сквозь чёрную шёлковую ленту, опоясывающую портрет, весёлыми бликами охры просвечивают золотые геройские звёзды.

Насытившийся собственным успехом и успокоенный, я гордо восседаю среди коллег по отделу, обсуждающих «этапы жизненного пути» покойного, без интереса вслушиваюсь в речи начальника бюро, потом парторга, пересказывающих своими словами правительственный некролог. Многие поглядывают на меня вопросительно, но я молчу. Мавр своё дело сделал, больше сказать мне нечего.

И вдруг я вспоминаю просьбу Виктора: надо же последить за публикой. О чём разглагольствует народ вдогонку столь неординарному событию? Какие у людей чёрные мысли на уме?

Что и говорить, гадкая у меня миссия, подленькая. Но ничего не поделаешь, по сути дела, это не просьба, это... приказ. Не выслеживать какого-то откровенного недоброжелателя, не хватать за руку коварного диверсанта и вредителя, а только проанализировать обстановку и зафиксировать конкретные факты. Так это, кажется, называется в завуалированной форме? Впрочем, как ни называй чёрное белым, вряд ли оно от этого станет светлее...

Есть испытанный вариант, когда хочется хоть на время успокоить совесть: достаточно сообщить, что всё вокруг нормально и никаких отклонений от норм я не заметил. На нет и суда нет. Да и для Виктора меньше мороки. Мне же не придётся подробно описывать замеченные факты, а ему комментировать услышанное от меня. Потому что каждая моя писулька даёт ход новым десяти, и ведь одна из них обязательно сыграет... Это мы с Виктором отлично понимаем, но на эту тему лучше не разговаривать. Это наше табу. Дел у Виктора и без меня хватает. Всё, что пишу я и такие, как я, его работа...

Пластиночные фарцовщики, перекупщики модных иностранных тряпок, болтуны-меломаны и смурняки-музыканты – всё это, конечно, мелкая рыбка, но именно та публика, с которой я общаюсь вне работы, и именно она входит в сферу его профессиональных интересов. Без зазрения совести я отдаю её на заклятие. Кто-то из них в своё время также поступил и со мной, так что мне их жалеть нечего. Своеобразный круговорот подлости в природе... Жёстко, конечно, но сентиментальничать при нашей жизни глупо. Да и почва здесь благодатная – есть за что зацепиться. Клиентов, интересующих Виктора, настолько много, что по ним и отписываться не успеваешь: стоит сказать «а», тебя тут же заставят сказать «б». А дальше пошло-поехало.

Но... стоп! Это уже в некоторой степени секреты, а я, между прочим, давал подписку о неразглашении.

Значит, решено. Вечером скажу Виктору, что ничего сверхъестественного не заметил, народ воспринял смерть вождя с энтузиазмом... виноват, со скорбью, и так далее, и тому подобное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.